

12+

АБРАМОВ ВЯЧЕСЛАВ

Памятные монетки из детства

О ТОМ, КАК И ЧЕМ МЫ ЖИЛИ.
МОЖЕТ, КОМУ-ТО ЭТО ПОМОЖЕТ
ПОНЯТЬ, КАК ЖИТЬ ДАЛЬШЕ...

Абрамов Вячеслав

Памятные монетки из детства.

О том, как и чем мы жили.

**Может, кому-то это поможет
понять, как жить дальше...**

«Издательские решения»

Вячеслав А.

Памятные монетки из детства. О том, как и чем мы жили. Может, кому-то это поможет понять, как жить дальше... / А. Вячеслав — «Издательские решения»,

Детство, как нам думается, уходит. Но только так думается, — тем местом, которое думает... Слава Богу, в нас есть ещё и место, которое хранит. Копит и раскладывает по полочкам ощущения и переживания. Копилка души не разбивается и не рассыпает эти драгоценные монетки. Потому что они не только временами мелодично позванивают, но и саму душу греют... На языке информационных технологий можно сказать, что это не монетки, а файлы в матрице души... Сказать можно, но — не хочется... Так сказанное уже не греет.

© Вячеслав А.

© Издательские решения

Содержание

Памятные монетки из детства	6
Не сломанная рука	7
Бедовый самокат	10
Боевой велосипед	12
Неудавшиеся бродяги	15
Несколько страниц о самом главном в жизни	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Памятные монетки из детства О том, как и чем мы жили. Может, кому- то это поможет понять, как жить дальше...

Абрамов Вячеслав

© Абрамов Вячеслав, 2026

ISBN 978-5-0069-8015-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Памятные монетки из детства

Детство, как нам думается, уходит. Но это только так думается — тем местом, которое думает... Слава Богу, в нас есть ещё и такое место, которое хранит. Копит и раскладывает по полочкам ощущения и переживания. Копилка души не разбивается и не рассыпает эти драгоценные монетки. Потому что они не только временами мелодично позванивают, но и саму нашу душу согревают... На модном сейчас языке информационных технологий можно сказать, что это не монетки вовсе, а файлы, помещённые в матрицу души... Можно сказать, но — не хочется... Так сказанное уже не греет.

Не сломанная рука

В нашем дворе кроме меня было ещё пятеро ребят примерно одного возраста. С Мишкой и Игорем мы были одноклассники, а Сашка и Костик — на год нас младше. Самым старшим был Вовка, но он выходил гулять редко, в будние дни родители отправляли его под надзор к бабушке.

Мишка мастерски харкался. Никто и не мечтал его переплюнуть.

Игоря никто не мог обыграть ни в шашки, ни в шахматы. В карты или домино мы ещё не играли. Сашка был наполовину узбек. То есть узбеком был его отец, а мама была русская. Сашка был смуглый и круглолицый, но на настоящего узбека не был похож. Может, потому что тюбетейку и халат, как Ходжа Насреддин на картинках, он не носил.

Костик был самый худой, и был непобедим при игре «в стеночки».

А у меня... У меня никаких выдающихся достоинств и достижений тогда не было.

Во времена детства мы почти всё отпущенное для гуляния время играли в войну. Делились на «наших» и на «немцев», договаривались, кто будет считаться раненым, а кто убитым. Устраивали засады, посылали разведчиков, нападали на штаб. Новые варианты игры появлялись после выхода на экран очередного фильма про войну.

Несмотря на уговор, никто не хотел умирать. Услышав «Всё, ты убит!», кричали «Нет, я ранен!» или «Я вперёд тебя убил!», — и продолжали играть. Или начинали спорить, кто кого первый застрелил или взорвал.

Но был такой период, когда все поголовно стали играть в казаков-разбойников, только с чьего-то лёгкого языка игру называли поинтереснее — «в диверсантов», «в шпионов», «в партизан».

Поначалу играли в границах своего квартала. Когда все лазейки и закутки стали нам известны, и интерес пропадал, мы стали охватывать сначала соседние кварталы, а потом и весь район.

Делились на две команды. В эту игру играли не только пацаны, но и девчонки. Одна, чуть постарше нас, часто была капитаном одной из команд. Она хорошо бегала и догнать её могли только Мишка и я, да и то с большим трудом.

Диверсанты или партизаны устанавливали свой пароль. Потом убегали всей группой, но каждые 40 шагов или на поворотах должны были на асфальте или на заборах мелом чертить стрелки по направлению движения. Затем группа разделялась. Можно было всё время уходить от погони, а можно было прятаться.

Контрразведчики считали до ста и бросались в погоню. Если контрразведчик догнал и осалил диверсанта, тот не имел права убегать, а должен был послушно идти под конвоем в штаб. Другие диверсанты могли освободить пленника, осалив контрразведчика, и потом снова бежать.

Пойманных диверсантов отводили в штаб и пытали, чтобы узнать пароль. Оставшиеся на свободе диверсанты могли напасть на штаб. Если получалось схватить и держать конвоира, то пленный освобождался, но был риск попасть в засаду и самим сесть в застенок. Пытали понарошку, а пароль можно было узнать не только пытками, но и отгадывая слова. Если отгадал, то пленный обязан был это честно подтвердить.

Когда контрразведчики узнавали пароль или ловили всех диверсантов, то они побеждали.

Во время очередной такой игры мы обнаружили, что недалеко от вокзала начали строить новый мост через железную дорогу. Там уже была высокая насыпь, на которую непременно надо было залезть. Края насыпи были крутые. Если прыгнуть, то сначала летишь вниз, а потом катишься по склону вместе с землёй и песком.

На другой день кто-то из ребят предложил пойти попрыгать с насыпи. На этот раз мы стали прыгать с разгона, чтобы лететь как можно дальше. Понятное дело, начали соревноваться, кто дальше пролетит и ниже съедет. Сашка во время прыжка упал и неудачно подставил руку. Потом стал морщиться, стонать и не мог пошевелить пальцами. Мы сопровождали его до самого дома. Он иногда тихонечко подвывал, но мужественно не плакал.

А спустя день он появился во дворе. Рука — в белом гипсе до локтя, подвешена на перевязи через плечо. Он рассказывал, как ему лепили гипс, как потом гипс застывал. Сашка выглядел героем и был в центре внимания. И я ему стал завидовать. Мне тоже захотелось сломать руку.

Я позвал Игоря и Мишку пойти попрыгать с насыпи. У меня с ними уже был богатый опыт прыжков. Мы прыгали с бетонного козырька над моим подъездом на газон. На козырёк вылазили через окно на лестничной клетке. Прыгали строго по очереди. Было непросто решиться и прыгнуть, высота всё-таки была около трёх метров, а мы были по «метру с кепкой». Но, пересякая себя, бахвалясь друг перед другом, отсекая пути к отступлению, раз за разом прыгали.

Земля была мягкая. Самое неприятное, что со мной раз случилось — при приземлении я сильно присел и подбородком вцепился себе в коленку. Это был нокдаун, искры из глаз и звон в ушах. Но я подскочил и, как ни в чём не бывало, пошёл снова вылазить на козырёк...

Никто из взрослых нас за такие дела не гонял. Один дяденька даже похвалил: «Молодцы! Будете десантниками!»

С насыпи прыгать было совсем не страшно, мягкий песочный склон тебя подхватывал и спускал вниз. А мне нужно было ломать руку. Как я только её не подставлял, специально заваливаясь на бок, — рука не ломалась! В конце концов она у меня заболела из-за ушиба или небольшого растяжения связок в запястье. Дома мне её забинтовали, но это было совсем не то. Героем стать не получилось.

Сейчас всё это смешно. А ведь было всерьёз.

Через десяток лет будет казаться смешным или ненужным то, что на полном серьёзе делаешь сейчас. *C'est la vie.*

29.05.2015 г.

Бедовый самокат

— Когда я был маленький...

— Да чего только не случилось, когда кто-то был маленький! Кому это интересно?!

Если кому-то неинтересно, то пусть он не читает.

Если кому-то вспомнились забавные истории, он имеет право их рассказать. Конечно, рассказать тем, кто захочет слушать.

И я попробую рассказать одну такую историю.

Когда я ещё ходил в детский сад, мы жили возле парка Ленина. Из нашего двора через разбитую в одном месте ограду можно было выйти в парк.

Всем «мелким» родители не разрешали туда выходить. Но когда нельзя, то становится так заманчиво... Там были дубы с желудями. Там копали траншею для прокладки кабеля. Там осенью жгли листву. А весной разливалась огромная лужа, похожая на озеро, и большие мальчишки плавали по ней на плоту... И несмотря ни на что мы уходили за ограду.

Парк казался огромным. Это был целый мир с неизведанными континентами. Знакомой и освоенной была только небольшая территория до центральной аллеи.

Чтобы мы оставались во дворе, нам рассказывались истории про то, как в парке воруют детей. Потом — ещё страшнее: появилась банда, которая убивает людей за пять копеек. Эти бандиты говорят, что человек состоит из вещей, которые стоят всего пятак. Если им не дают пять копеек, — убивают. Если дают, то начинают смеяться: ну и жлоб, свою жизнь оценил в пятак... Бросают деньги на землю и тоже убивают.

И мы какое-то время не уходили далеко от двора, временами боязно озирались. А когда видели подозрительных дядек, убегали.

Велосипеды тогда были далеко не у всех. Продавались или маленькие трёхколёсные, или уже большие «велики» для взрослых. И детям делали самодельные самокаты. Их сколачивали из досочек, а вместо колёс были шарикоподшипники, насаженные на металлическую трубку, закрепляемую в вырезах в нижней доске.

Такой самокат появился у кого-то и в нашем дворе. И я просил отца сделать такой же. Просил, просил и получил... настоящий самокат! Он был с надувными резиновыми колёсами, с тормозом на раме перед задним колесом и со звонком на руле. Такого самоката ни у кого во дворе не было.

В одно время с самокатом родители купили фотоаппарат «ФЭД». Это был подарок отцу на день рождения. И мы всей семьёй пошли в парк с самокатом и фотоаппаратом, гулять и фотографироваться.

Когда вышли на центральную аллею, отец с мамой сели на скамейку у фонтана с фигурами детей, купающихся под бьющими изо рта рыб струями. А я покатил по боковой аллейке. Увлёкшись, отъехал далеко. И встретил двоих взрослых пацанов, которые меня остановили и попросили самокат покататься. Я им сказал, что не дам, мне родители запрещают. Тогда один из них показал перочинный ножик и пригрозил, что проколет шины. Пришлось отдать ему самокат. И он покатил, а второй побежал за ним. Так быстро, что мне их было не догнать.

Конечно, я завопил и побежал к родителям. Отец подскочил и рванул в указанном мной направлении. Мы вместе с мамой пустились вдогонку.

Как отец забрал самокат, я не видел. Он его прикатил ко мне. Порадовались, что не умыкнули и тут... папа обнаружил, что фотоаппарат оставил на скамейке, где они с мамой сидели! Побежали туда, но фотоаппарата след простыл. И никого не было вокруг.

От фотоаппарата осталась дома коробка с написанным на ней поздравлением с днём рождения. Чтобы меньше переживать и быстрее эту неприятность забыть, на следующий день отец купил такой же фотоаппарат.

Быстро освоить самокат я не мог, потому что меня с самокатом надо было охранять, а родители почти весь день были заняты. И катался я в парке только по выходным дням.

А когда немного освоился, решил проехать по центральной аллее парка. Она спускалась с небольшим уклоном вниз от кинотеатра «Октябрь» до памятника Ленину и главного входа с колоннами и скульптурами, с одной стороны — фигуры рабочего, с другой — колхозницы.

Я ехал и всё больше разгонялся. И не заметил, как до того разогнался, что испугался. Стал тормозить. Для этого пяткой ноги надо было нажимать на педаль тормоза. А нога соскочила. И самокат полетел в сторону, к клумбе у памятника Ленину, а я — ласточкой на асфальт...

Лицо, ладони, локти и колени были содраны, кровь смешалась с пылью. Как меня несли домой, потом обмывали, мазали зелёной и везли в больницу, я сейчас не помню. Запомнил только полёт.

Ну и очень хорошо запомнил ежедневные походы в больницу, где мне потом делали сорок уколов от столбняка. Говорили, что мне ещё повезло. Голова цела и ничего себе не сломал.

А самокат я потом как-то назвал бедовым. В том смысле, что от него случались одни беды. И потом ещё какое-то время считал, что у слова «бедовый» бывает два значения. Так я первый раз усвоил, что бестолковое бесстрашие оборачивается бедой.

18.07.2015 г.

Боевой велосипед

Это сейчас машин стало больше, чем велосипедов. А когда-то велосипеды были для многих наших граждан и средством передвижения, и настоящими рабочими лошадками. Тогда не катили тележки до ближайшей остановки автобуса, потому что автобуса надо было ещё дожидаться. А гордо восседая, или, на худой конец, топая рядом, катили на «лисапедах» баулы с продуктами, с садово-огородным урожаем, и канистры, доски, дрова, и даже водопроводные трубы. Или, принайтовав связки удочек, катились на рыбалку.

Спортивные велосипеды были только у спортсменов и велотуристов, раз-два — и обчёлся. В маленьких городах, в деревнях и посёлках велосипеды были почти у всех. В больших городах их было меньше. Впрочем, как и теперь. Велосипеду, несмотря на его размеры, нужен простор. Конечно, не только самому велосипеду, но и его наследнику.

Раньше можно было спокойно ездить по обочинам дорог, сейчас все обочины плотно заставлены автомобилями. Колесить по тротуарам, пугая и притесняя прохожих, могут только особо выдающиеся личности. Выдающиеся размерами своей личности, но не размерами скромности и тактичности.

Где-то как-то собираются прокладывать велосипедные дорожки. Об этом много говорят муниципальные руководители, но на улицах пока ничего такого не заметно.

Так вот, велосипеды тогда выручали и ничего, кроме сарая или места в коридоре, не требовали. А для пацанов и даже девчонок в какой-то период жизни велосипед был образом этой жизни.

На великах просто катались, на них гонялись, верхом на велосипедах мальчики знакомились с девочками. С велосипедов не слезили.

В большом городе ещё тогда у пацанов с велосипедами были большие трудности. Мало-возрастным родители разрешали кататься только во дворе, а дворы были маленькие. Быстро становилось неинтересно. А за пределами своего двора велик могли запросто отобрать, и тогда можно было его уже не искать.

Я, например, «отрывался» с велосипедом во время школьных каникул, которые проводил у дедушки-бабушки, которые жили на окраине небольшого города в частном секторе. Там

можно было гонять по всему району, закатиться и на речку, вдоль которой лежала хорошо утоптанная широкая тропа. По ней ходили в город. Там не было малолетних хулиганов и гопников.

Я помню свой первый велосипед. Это был «Школьник». Но я поездил на нём совсем ничего. Потому что у других ребят на улице были большие, настоящие велосипеды. Кто был мал ростом и не доставал с седла до педалей, тот ездил «под рамой». То есть стоя, просунув одну ногу под раму.

Так ездить было неудобно, но это считалось особым шиком. Это был критерий взрослости. А велосипеды без верхней рамы называли женскими. Если пацан садился на такой, то покрывал себя несмываемым позором.

И я так же научился ездить под рамой. И только когда стал доставать до педалей носочками, пересел на седло, ставя его в самое низкое положение.

Это был принадлежащий деду велосипед «Урал». На нём не было всяких штучек, вроде ручных тормозов и, тем более, переключения скоростей. Он был страшно тяжеленный. Но он был неубиваемый и совершенно неприхотливый.

Этот велосипед становился у меня сначала «мотоциклом», потом — «автомобилем». А когда я стал бредить самолётами... Даже когда меня отправляли к бабушке-дедушке, в поезде я садился на скамейку так, чтобы не видеть насыпь и пробегающую вблизи местность. Этому особенно помогал холмистый рельеф. И можно было всю дорогу представлять, что ты летишь на самолёте.

И уже было несомненно то, что когда я сел на велосипед, то стал на нём «летать». Это уже был истребитель «Лавочкин», который совершал виражи и заходил в атаку на наземные цели. На руле были воображаемые пулемёты и воображаемые «трассеры» решетки заборы, калитки и другие попадавшие навстречу велосипеды. И мне в голову пришла мысль поиграть с ребятами в «воздушный бой» на велосипедах.

Такая игра всем понравилась. Мы гоняли друг за другом, заходили «в хвост» и «сбивали» противника с воплями «в-а-а-а-у-у-у...» и звуками «ды-ды-ды-ды...».

— Всё, ты сбит!

— Нет, я только подбит! Я ухажу на аэродром!

Добивать могли только «немцы». «Наши» были более великодушны и всё равно побеждали.

Бывало, шли и на таран. Конечно, не со всей силы. Велосипеды выдерживали и такое.

Участниками воздушных сражений были мои друзья Валерка и братья Вовка с Васькой. Но у Валерки и его мамы был один велосипед на двоих. Когда мать забирала велосипед, Валерка изображал «зенитку», а позже получал у кого-нибудь из нас велик и уже мог «полетать».

А родители Вовки и Васьки разводили кроликов. И они должны были каждый день собирать по мешку травы. Мне эти кролики ужасно не нравились. Их жизнь вызывала недоумение и сострадание. Они сидели в клетке и всё время жевали. И только когда их беспокоили другие собратья-кролики, перепрыгивали с места на место и друг через друга. Чтобы продолжать играть вместе, мы всей «эскадрильей» мчались на луг за речкой рвать траву. А когда сделал дело — то и гуляй смело.

А ещё отец Вовки и Васьки был заядлый голубятник. Когда он гонял голубей, то старался поймать «чужого». Тогда было много голубятников, в каждом квартале — по два-три. Между ними были азартные состязания: заманить в свою стаю чужака и при этом не дать переманить своего голубя. Но случалось, что и его голубь перелетал к чужой стае в поисках голубки. Тогда отец посылал своего старшего, Вовку, на велосипеде смотреть, куда сел их голубок, чтобы потом обменять его на другого, молодого, которого легче приучить к новой голубятне. Чем старше голубь, тем меньше стоил его обмен. Это потому, что старый голубь, у которого оста-

лась голубка в голубятне, всё равно к ней улетит, как бы долго его не держали. Он станет вечным беспокойством другому голубятнику.

И мы всегда Вовке помогали. Одному было очень трудно выследить, а мы «всеером» разъезжались по улицам и так находили победившего ловца.

Вот это была жизнь! А что сейчас? Посмотришь на пацанов — у многих есть всё, что ни пожелаешь. Чего никто не мог тогда даже представить. И всё больше придуманного, навязанного, виртуального, и потому быстро забывающегося. Не забывается только то самое настоящее, с которым ты растёшь...

— Вот сейчас-то и жизнь! А что было тогда? Так, всякая фигня! — могут сказать нынешние детки. И ничего им на это не возразишь. Потому что ни мы, ни они жизни не выбирают. А только принимают и в ней живут. Как и чем живут — это зависит от взрослых.

12.08.2015 г.

Неудавшиеся бродяги

Кто не любил слушать, когда кто-то из взрослых читал ему рассказ про детей?! Детям слушать о детях всегда интересно. В детской душе рождается сопереживание. Это уже не только игра. Это проживание чужой жизни, её «примерка» на себя.

Всё лето я проводил у дедушки с бабушкой, которые жили в своём доме на улице Зелёной. Улица и называлась Зелёной, и была зелёной от множества садовых деревьев. В этом доме, кроме дедушки и бабушки, ещё жили две мои тётки. Они обе были учительницы и в то время ещё не вышли замуж. И приносили для меня из библиотеки интересные детские книжки. И каждый день мне читали. Даже когда я уже ходил в школу и умел читать, я любил их послушать. И всегда просил что-нибудь почитать.

И вот тётка принесла книгу... Она была о мальчиках, которые бродяжничали, шли из одного села в другое. Сами побирались и голодали, но кормили бродячих собак. Встречали плохих и очень хороших людей...

Я попытался найти эту книгу через поисковики Интернета по оставшимся в памяти моментам, просмотрел с полсотни рассказов и повестей, но так и не нашёл. Детское восприятие — вещь неповторимая у взрослых.

Эта книга тогда произвела на меня очень сильное впечатление. Она заразила меня другой жизнью. Я пересказывал интересные сюжеты из прочитанного своему другу Валерке.

Валерка был моим самым лучшим летним другом. Потому что в конце лета меня забирали родители, а Валерка всегда жил на одном месте, через два двора от дедушкиного дома.

Мы с ним часто играли только вдвоём. В разведчиков с обследованием чердаков и соседних огородов. Рубились в лапту. Не в спортивную с мячом, а дворовую, с пыжиком. «Нарезали» в ножички. Валерка лучше всех играл в лапту. Он мог выиграть даже у моего дяди. В лапту в городском дворе, где я жил, не играли. Зато там играли в «ножички», и уж в этом единоборстве я часто выигрывал у Валерки.

Когда надоедало, ловили кузнечиков. Кто больше поймает. И засовывали их в бутылки. Или охотились на маленьких лягушек, которые жили в тёмном, заросшем лопухами и крапивой промежутке между сараем и глухим забором. Потом волокли их на улицу, по которой машины ездили тогда очень редко, даже не каждый день. И устраивали соревнования, чья лягушка ускачет дальше. Для этого её надо было подталкивать хворостиной. Если она прыгала не прямо, а в сторону, к забору, её этой же хворостиной направляли вперёд.

Ближе к вечеру выходили гулять две соседские девочки, ещё к нам присоединялся Вовка. Мы бегали на карусель, которая была на берегу речки, у лав¹. Это была большая деревянная карусель, с покатой крышей. Кто-то один её крутил, остальные катались. Потом играли в мяч в «выбивного» или в «съедобное-несъедобное». Ещё — в салки, в «колечко». Девчонки иногда уговаривали нас поиграть «в семью». Не было такого, чтобы не знали, чем заняться².

Но после этой взбудоражившей детское сознание книги всё стало неинтересным. Виделась и не давала покоя другая, полная приключений и переживаний жизнь. И мы с Валеркой договорились всё бросить и уйти из дома. Чтобы жить так, как герои книги.

Насушили сухарей. Умыкнули спички, чтобы разжигать костёр. Нашли кусок брезента подкладывать на землю и укрываться от дождя, достали мешок всё это уложить и куда можно было собирать милостыню. Припрятали за кустом сирени в палисаднике.

Встали рано утром, когда все ещё спали. Взяли удочку для ловли рыбы, забрали котомку со своими пожитками и двинулись в путь. Меня не остановило даже то, что накануне приехал отец. Ведь всё было уже решено.

Мне была известна только одна дорога в одну деревню. По ней мы ездили на велосипеде с дедом на его пасеку. По этой дороге мы и пошли.

Шли сначала весело. Обсуждали, что мы будем такое делать, чтобы нам давали еду. Валерка мог делать подряд два и даже три «колеса» через голову. Я собирался найти бродячую собаку и научить её «просить», то есть вставать на задние лапы и лаять.

На полдороге встретили пасечника, чьи ульи стояли рядом с дедовыми. Он ехал на велосипеде в город. И похвалил нас за то, что решили навестить деда. Откуда ему было догадаться, что наш путь уходил за горизонт дальними дорогами?

И я ему соврал и подтвердил, что мы направляемся на пасеку. Но... получилось так, что сказал правду.

Мы шли, шли... Дошли до развилки. Дорога прямо вела в деревню мимо заброшенного сада, который называли барским. Дорога направо шла вдоль леса к пасеке.

А прошли мы уже больше пяти километров и притомились. Шли полями, солнце пекло. Всю воду выпили, почти все сухари погрызли. Идти в деревню стало как-то боязно. Кого мы там встретим? Если встретим, то что, прямо так и скажем: «Подайте покушать»? Мы же не сироты. Тут только пришло в голову, что нас начнут спрашивать, кто мы и откуда.

Интерес к бродячей жизни как-то быстро иссяк. Целыми днями вот так идти куда-то... В книге не было написано, что надо всё время идти, ногами, ногами... Так неинтересно. Потом надо просить...

И мы свернули к пасеке. Решили, потом посмотрим, идти или не идти. Может найдём, где можно рыбу ловить и ей будем питаться. Или собирать в лесу грибы, ягоды и орехи. Я знал место, где было много лещины.

Дедушка, когда нас увидел, конечно очень удивился и не мог понять, как это нас отпустили одних? И поругивал мою мать с тётями. И бабу — куда глядела?

¹ Лавы — ныне устаревшее слово, деревянный пешеходный мост через реку.

² сейчас посмотришь на подростков — не играют! Беготня друг за другом с воплями, пинками и с бросанием чем попало, включая камни, — это что ли и есть уличная игра?! Новая жизнь диктует новые формы и правила игры, и увы, всё чаще формы без правил...

Тем временем наши поиски уже были в полном разгаре. Обнаружив, что меня ни в доме, ни во дворе нет, все всполошились. Думали, может я у Валерки — а его нет и дом закрыт. Он жил с матерью, которая скорей всего была на работе.

Предположив, что мы без спроса пошли на речку рыбу ловить, пошли искать туда. Не нашли. Стали обходить все дворы, спрашивать соседей. Когда уже собрались идти на водокачку звонить в милицию, тётя увидела пасечника, того, который нам навстречу попался. Он и сказал, что видел пацанов на дороге и шли мы к деду на пасеку.

Все немного успокоились, но дошли ли мы или нет? Дорога-то неблизкая. Могли и заблудиться. Самая из всех шустрая тётя Люда вскочила на велосипед и ринулась на пасеку. Следом за нею, но пешком, устремился отец.

На этом наша с Валеркой бродячая жизнь закончилась. Какая мне была после этого «взбучка», не запомнилось. Но ощущение дороги осталось. И осталась в памяти картина: жаркий солнечный день, песчаная дорога уходит в сторону леса. Вдоль дороги широко стоят яблони, вдали виднеются первые хаты деревни. В небе летает жаворонок, в траве звенят кузнечики.

16.08.2015 г.

Несколько страниц о самом главном в жизни

Как-то неожиданно-негаданно возникла потребность это выразить: о главном для себя на этом этапе жития.

Кому интересно услышать о том, что определяет смысл жизни, может сравнить это мною коряво изложенное с тем, что главное для него. И может что-то принять для себя, хотя принять для себя — это просто услышать кем-то другим сформулированное, но уже в тебе существующее, тобой познанное. Если в тебе этого нет — не примешь и читать не будешь, и хорошо ещё, если не назовёшь бреднями.

Все мы в чём-то разные, но во многом — одинаковые. Штучные изделия. Штучные, но — в массовом производстве... Одна биотехнология, один «чертёж», одна концепция и «начинка», другими словами — общий корень.

Изучить такое изделие можно, только раскрыв, разобрав по деталям и функциям этот общий корень. Говоря на новомодном и типа продвинутом языке — нашу матрицу.

Человек — интересное существо. Он пребывает в двух разных состояниях: или радуется, или страдает. Когда он радуется, а когда страдает можно и не понять, так как состояния эти меняются чаще, чем погода. А то и сочетаются — одновременно одно с другим.

Страдания и радости других людей при желании распознаются легко, потому как человек может обладать ещё одним интересным качеством: способностью осознанно сопереживать, сочувствовать себе подобному. Хотя бы словом, а не делом, хотя бы «про себя»... Эта способность — один из признаков, отличающих человека от животного. А когда сопереживание выражается делом, отдачей, жертвованием — это один из главных признаков, отличающих хорошего человека от никакого. А никакой человек часто для другого человека хуже плохого.

Зачем природа одарила человека таким качеством, которое, казалось бы, не вписывается в принцип эволюции «выживает сильнейший»? Просто так, бесцельно и беспрограммно, природа ничего не делает. Значит, в сопереживании и в его следствии — в стремлении к объединению, — и содержится сила? К тому же, именно такое действие совпадает с единой силой, связывающей все части природы в единую систему.

А что больше действует на человека: радость или страдание?

Свою жизнь мы, люди, устроили так, что и радоваться-то боимся, — чем больше радуешься, тем больше опасаясь, что добром это не кончится, и тебе за излишнюю радость потом предъявят счёт... Да и когда все радуются, и забывают обо всём другом, — недалеко и до беды, за которой — страдания.

Но в то же время страдание и сострадание — они заставляют думать, соображать, анализировать, вырабатывать корректирующие действия! И это всё вроде бы в пользу развития в человеке собственно человеческих качеств, — потому что для сочувствия нужно знать, что есть страдание. Выходит: страдание — главнее.

Но страдания бывают разные.

Тут будет уместно примечание: те «страдания любви», которые сейчас в тиражах и телесериалах, следует рассматривать особо — уж «оченно сурьёзная» там специфика, и столько страдалцы нагородили иллюзий и фальшивок, от «игры богов» до порнографии, что даже присказка «мама не горюй» — явный моветон.

Бывают страдания всепоглощающие, ломающие, выворачивающие все внутренности и вышвыривающие тебя из привычного обывательского круга.

И бывают страдания тихие, но нудные и сосущие, ещё говорят — «тянущие душу», они быстро накатывают и так же быстро ослабляют хватку в каждодневной суете. А как только остаёшься наедине с собой — берут за горло снова. Или вдруг, даже и без причины — накрывает тебя, как холодной или, наоборот, горячей волной — и вздохнуть не успеваешь, не хватает

воздуха. Такие страдания, «тянущие душу», и происходят от одиночества души. Ты можешь всё время крутиться в толпе людей — а душа будет одинокой.

И страх смерти, и смертная тоска происходят от ощущения одиночества души.

Если умеешь прислушаться, если получается прислушаться к душе, то ощутишь глубоко внутри тягу к соединению с душами близких, да и просто симпатичных тебе людей. Эта тяга — как тяга в печке, сильная тяга даёт горение и тепло, если слабая — всё может потухнуть. Эта тяга часто не осознаётся и не опознаётся. Мы не хотим, не любим заглядывать даже к себе в душу, потому что любое такое погружение — чаще всего боль. Там ты видишь то, что сделал плохого — не по уму и не по совести.

Когда ничего хорошего в душу не загружаем, тогда пустота засасывает туда только боль. Мало того, там, в душе, ты видишь, чего ты НЕ сделал. А мог бы. А теперь уже не сделаешь. Поезд ушёл. И это не менее мучительно, чем осознание неправильных поступков.

Больно от того, что душа твоя так и осталась неприкаянной, несоединённой, отделённой даже от близких тебе душ какой-то плёнкой. Вроде бы эта плёнка прозрачная и эластичная, захотел — и порвал. Но на деле она вдруг становится мутной, а потом и вообще — жёсткой и непрозрачной скорлупой...

Но когда ты всё-таки сподобился нырнуть в пространство своей души... Хотя нет, не нырнуть, а ощущение скорее такое, что какая-то сила тычет тебя в пространство души, как тычут носом котёнка в соделанные им мокрые и дурно пахнущие дела.

И что, душа — это только место, где вопиют твои недостатки? И теперь вот в этом месте, в этом пространстве разлилось, всё затопило одно только сожаление?

А может, душа это и есть ад, место для мучений? А для праведников, которые без греха и без сучка — это и есть рай?

А кто сказал, что то, что мы называем «душа» и есть именно душа — место для высших свойств в человеке? Это я взял и сказал, потом ты сказал, и кто-то ещё сказал... А это вовсе ещё и не душа! Это ещё не особое и удивительное пространство, которое может быть. Пока ещё это всего-навсего — точка. Точка приложения высшей силы, программный вход. Кто-то её чувствует, подключается — и тогда сила начинает работать, как бы расширяя точку в пространство.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.